

А.Н. Творогов

Экстремизм. Терроризм. Подросток.

Брошюра для родителей и педагогов

*Как уберечь подростка
от современных угроз*

Ульяновск - 2018

Автор проекта – *Творогов Андрей Николаевич*,
журналист, член Союза журналистов России
при содействии УРОО «Центр предупреждения
распространения идеологии терроризма и экстремизма»

*Автор выражает особую благодарность за помощь
при подготовке данной брошюры
прокуратуре Ульяновской области,
аппарату антитеррористической комиссии в Ульяновской области
и департаменту национальной политики управления внутренней
политики администрации
Губернатора Ульяновской области.*

Брошюра изготовлена по заказу
Ульяновской региональной общественной организации
социальной поддержки людей, находящихся в трудной жизненной
ситуации «Центр социальной и трудовой адаптации «Свобода»
в соответствии с государственной программой Ульяновской области
«Гражданское общество и государственная национальная политика
Ульяновской области» на 2014-2021 годы.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение.....	4
Что вообще такое экстремизм?.....	5
Кто в группе риска?	11
Какими бывают деструктивные сообщества?.....	13
Лево- и праворадикальные сообщества.....	15
Религиозный экстремизм	16
Секты.....	23
Суицидальные группы.....	27
Околокриминальные субкультуры	32
«Колумбайн». Насилие в школах	36
Группы деструктивного поведения.....	40
Как вербуют?	41
Заключение	44

ВВЕДЕНИЕ

Сообщения о том, что очередной подросток попал под влияние радикальной субкультуры или экстремистской организации, совершил самоубийство, напал на трудовых мигрантов или устроил подрыв появляются в СМИ с пугающим постоянством. От Архангельска до Владивостока сотни молодых людей неожиданно для близких и педагогов оказываются членами анархических сообществ, революционерами-националистами, попадают в так называемые «группы смерти» или начинают интересоваться «скулшутингом». А страдают от этого, зачастую, не только они, но и тысячи других – невинных. Правда о случившемся всплывает неожиданно, чаще уже в суде. «Виноватых» и общество находит быстро: ими оказываются педагоги, родители, т.е. все те, кто должен был воспитывать молодого человека. Все те, кто не увидел, что подросток заинтересовался опасными идеями, и не помог ему в трудной ситуации. Но могли ли, будем честными, помочь – не имея знаний о том, как распознать экстремистскую организацию, не имея опыта взаимодействия с современным медиапространством? Вряд ли. Мы все, признаться, привыкли к другому миру – миру, в котором «вербовщика» представляют как подозрительного человека в капюшоне, а не как аккаунт в социальной сети. Миру, в котором подросток выражает свою тревогу и протест поступками, а не записями для незнакомцев с анонимной странички в Интернете. Значит, нужно учиться работать по-новому. В этой брошюре – краткая выдержка всего того, что нужно знать, чтобы распознать деструктивное сообщество и вытащить подростка из него.

«...Крайности — это границы, за которыми кончается жизнь, и страсть к экстремизму суть замаскированная жажда смерти...»

Милан Кундера, «Невыносимая лёгкость бытия»

ЧТО ВООБЩЕ ТАКОЕ ЭКСТРЕМИЗМ?

В широком смысле – приверженность крайним взглядам. На бытовом уровне экстремизм воспринимают только как политическое явление, однако это не совсем верно. Главное понятие, которое наиболее полно описывает все экстремистские течения – это ненависть.

Экстремизм (от лат. *extremus* — крайний, чрезмерный) — приверженность крайним взглядам, методам действий. Экстремизму подвержены как отдельные люди, так и организации.

Ненависть может быть направлена против правительства, против людей другого цвета кожи или другого пола, против людей другого вероисповедания или достатка, игроков или болельщиков «не своей» спортивной команды, даже против мира и жизни как таковых.

Ненависть, агрессия возникают как реакция на происходящее в жизни человека – то есть это не неотъемлемая черта личности, а приобретенная, из-за специфического, и часто негативного, жизненного опыта. Людей, которые от рождения переполнены ненавистью, не существует, как не существует и заведомо плохих людей. Этот момент важно уяснить, чтобы понимать: подросток, который сегодня заявляет, что он националист и ненавидит определенных людей по этническому признаку (или последовательно, не декларируя это мировоззрение, следует ему), не является плохим сам по себе. У его деструктивного мировоззрения есть определенные (как правило, вполне предсказуемые) предпосылки. Какие?

- Первая и наиболее очевидная – возраст. Объяснять педагогам о том, что такое «трудный возраст», думаем, не нужно.
- Вторая предпосылка – конфликты в семье, экономическое положение.

- Третья предпосылка – трудности в социальной адаптации, проблемы в общении со сверстниками.

Все эти вещи существовали всегда. Почему тогда три десятилетия назад мы не говорили об опасности экстремизма, а теперь – говорим? Дело в том, что присущая этой возрастной группе агрессивность может иметь разные формы выражения. Тогда разнообразие форм проявления агрессии крайне ограничено. Сейчас существует Интернет. Именно там подросток может узнать о новых формах выражения своей ненависти – более радикальных, чем раньше.

РАДИКАЛИЗМ (от позднелат. radicalis— коренной, лат. radix — корень) — буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности.

Введем понятие «радикализм» — в двух словах, это приверженность бескомпромиссным методам для достижения цели. То есть экстремизм – это крайние идеи. Радикализм – стремление любым путем эти идеи реализовывать. Терроризм – совершение крайних (радикальных) поступков, терактов из-за приверженности экстремистским, преступным идеям. С понятиями разобрались – идем дальше.

Кого назначим виновным

Отклоняющееся агрессивное поведение подростка середины XX века в СССР могло выражаться, к примеру, в хулиганстве. Тоже проблема, но известная, а главное – в меньшей степени социально опасная. В XXI веке этот же самый подросток рискует угодить в экстремистское сообщество и совершить нечто радикальное.

Хулиган не стремится привлечь внимание к какой-то идеологии и своими антиобщественными действиями не пытается доказать жизнеспособность идей своего мировосприятия.

Сделаем маленькое отступление: когда мы говорим о ненависти и агрессии, мы говорим не только о деятельности, направленной вовне. Существует и аутоагрессия – крайними ее формами могут быть разрушительное поведение (алкоголь, наркотики) и самоубийство. Сообщества, объединенные по аутоагрессивному признаку – явление новое. И все-так, они есть, и «Синий кит» тому очевидный пример.

Итак, перед нами подросток, который наблюдает конфликты в семье и/или не находит общего языка с одноклассниками, к тому же «трудного» возраста, замкнувшийся в себе. Эти предпосылки приводят к тому, что он начинает испытывать агрессию, ненависть (к себе или к другим) – с точки зрения психоанализа это такая форма механизма психологической защиты в стрессе. Мне плохо? Значит, в этом кто-то виноват. Значит, нужно назначить виноватого.

К примеру, дедушка школьника рассказывает ему о «буржуях, которые разворовали страну». Возможно, подросток будет связывать условных «буржуев» с тем, что конкретно он живет плохо. Назначит их виновными. А может быть, он увидел статью о «чем-нибудь заговоре»? Виновные тоже найдены. Есть негативный опыт общения с представителями религии? И их можно назначить виновными. Мигранты, правительство, одноклассники – подросток легко перенаправляет свою ненависть на тех, кто «попал под руку».

У него, к сожалению, пока не хватает способностей, чтобы разобраться в истинных причинах своих проблем. И решить их он не может, поскольку еще не самостоятелен.

Имя нам легион

Рассмотрим пример: в семье условного К. нет отца, мама – пьет. То есть он лишен общения в семье и испытывает отчуждение, одиночество. К тому же у него сложности в общении и с одноклассниками – они стали

следствием проблем с воспитанием в семье, но теперь они – самостоятельная проблема. Кого ему в этом винить? Родителей винить он не будет, а «назначить» источник бед нужно непременно. Сценариев тут два.

Первый – он начнет винить себя и попадет в аутоагрессивную категорию. Раз я виноват и все беды от меня самого, значит, я – враг.

Второй – он начнет винить окружающих – какую-то конкретную группу. К примеру, опять-таки на каком-то сайте узнает, что, дескать, проблемы России – из-за мигрантов. И назначит их виновными.

В этом сценарии пока тоже ничего нового – в конце концов, «перебесится» и успокоится, станет старше, проанализирует происходящее и поймет, почему в действительности с ним происходило то, что происходило. Поймет, что ни он сам, ребенок, ни какие-то мифические «масоны», «чиновники», «мигранты» не были в этом виноваты. Так бы все и происходило, но...

Интернет дает возможность таким, как он, подросткам объединяться по объекту своей ненависти, создавать сетевые сообщества, чаты. Иными словами, тридцать лет назад наш К., начавший винить в своих проблемах мигрантов, был бы одинок в своей к ним ненависти. Максимум – начал бы «агитировать» среди одноклассников, которые повертели бы пальцем у виска, и инцидент на том был бы исчерпан.

В XXI веке К. находит в социальной сети других «К.», которые тоже ненавидят мигрантов – и они стихийно формируют сообщество, чаты, либо он вливается в уже существующее сообщество. И имя им – легион. Не все они из неблагополучных семей. В среде конкретно националистов много ребят и из благополучных, но так или иначе лишенных полноценного общения.

Самый радикальный поступок

Представьте – десять, сто подростков, которым не хватает семейного общения, дружбы, оказываются в сообществе, объединенном по признаку ненависти к мигрантам. Что происходит дальше? Они становятся друзьями, псевдосемьей друг для друга. И делают ложный вывод – о том, что именно ненависть к мигрантам «подарила им новую онлайн-семью».

В этой новой «семье» они нашли то, что не могли получить по-отдельности: защиту, возможность выделиться, подышать «революционным романтизмом», так свойственным молодым людям, нашли возможность чувствовать себя силой, толпой, и от этого восприятия сильными количеством наделили себя правом «корректировать» проблемы общества.

Теперь подростку нужно доказать, что он - полноправный член семьи. А для этого нужно совершать определенные, одобряемые в этом сообществе поступки против объектов ненависти этого сообщества. И чем более радикальный поступок совершит К., чем более «безбашенным» он будет, тем устойчивее, считает он, будет его положение в «семье», тем выше он будет в ее иерархии. А он ведь никогда не был на вершине иерархии...

В результате наш К. нападает на ларек одного из мигрантов, чтобы потом написать в онлайн-сообщество: «Пока вы обсуждаете, я делаю». Имея ввиду, что здесь он – первый, здесь он – лучший и самый значимый. Он совершил самый радикальный поступок. А потом К. попадает в тюрьму и становится культовой фигурой в виртуальном сообществе. Другой подросток, Петя, попав в схожую ситуацию и тоже «назначив виновными мигрантов», повторит его «подвиг». Об этом мы

говорили в начале главы – когда писали, что интернет позволяет узнать новые формы выражения ненависти.

Добавьте кураторов

Пожалуйста, не сделайте вывод, что описанный нами сценарий касается только националистов, ненависти к мигрантам. Даже далекие от представлений о традиционном экстремизме сообщества «Колумбайна» и «Синий кит» работают по тем же принципам. В первом случае «самый радикальный поступок» – это прийти в школу и расстрелять учеников и учителей. Во втором – совершить самоубийство. В первом предмет ненависти – социум вообще и одноклассники в частности, во втором – сам подросток. Кроме прочего, эти события напрямую связаны с известным кризисом 16-18-летнего возраста – кризисом жизни и смерти. Некоторые люди проходят его беспроблемно, некоторые попадают в трудные ситуации.

А теперь представьте, что в любое из таких сообществ внедряется, скажем, взрослый 30-летний «куратор», вербовщик с фейковой страницы, и начинает мягко направлять подростков туда, куда выгодно ему. Подсказывать, как сделать взрывчатку, чтобы «совершить самый радикальный поступок». Его интересы могут быть любыми: от дестабилизации обстановки в стране до банального заработка. Вполне вероятно, его интересует вообще не поступок, а, к примеру, фотоотчет (о самоубийстве, взрыве) – он продаст его в темном сегменте интернета. А подросток что? Разменная монета!

Представьте, что «куратор» не внедрился в готовое сообщество, а сам основал его и вербует тех, кто, по его мнению, подходит под описание целевой аудитории. Фантастика? Нет. Так работает «Исламское государство». Их «самый радикальный поступок» за веру и против неверных – теракт.

КТО В ГРУППЕ РИСКА?

Следует быть внимательней к подросткам, которые размещают у себя на страницах в социальных сетях экстремальный контент (записи). Сцены насилия, оружие, записи, отрицающие ценность жизни, общества – все это для подростка способ наиболее полно охарактеризовать себя, поскольку страничка в социальной сети – это чаще способ репрезентации «я желаемого» в виртуальном пространстве. Следует обращать внимание на разрыв между поведением подростка в реальной жизни (тихий, скромный, молчаливый) и в социальных сетях (военная форма и оружие, насилие, экстремальная музыка) – чем глубже разрыв, тем выше вероятность того, что подросток испытывает определенные проблемы. Аналогично, если в коллективе подросток ведет себя подчеркнуто позитивно и смеется над каждой шуткой, а в Интернете размещает записи о смерти, бессмысленности жизни и т.д.

Следует быть внимательным к подросткам, чья виртуальная жизнь глубоко законспирирована. Поясним - если страница подростка описывает «идеального гражданина» – вероятно, у него есть вторая страница, более точно характеризующая его внутренний мир. Вычислить ее не так сложно (с помощью общих друзей, одинаковых записей и др.) – но это тема для отдельных материалов, а может быть, вам и так известны эти способы.

Следует обращать внимание и на друзей своих детей. Возможно, их родители отстранились от них – а ваша помощь спасет не только того, трудного, подростка – но и вашего.

Виртуальное пространство – не единственный способ понять, что подросток нуждается в вашем внимании (хотя в нынешних информационных условиях – самый верный). Следует обращать внимание на способы проведения досуга, круг общения (и неизвестных

людей в нем, с которыми подросток вообще-то не должен пересекаться нигде), на попытки выделить себя бытовым поведением, одеждой, на случайные фразы. Мы абсолютно уверены, что внимательный родитель и подготовленный педагог способны определить вне виртуального пространства, что подросток находится в непростой ситуации. Так что главная идея, которую мы хотим донести этой главой – предавать своим опасениям должное значение и не пускать ситуацию на самотек. Разговор, беседа, которая состоялась вовремя – гарантия того, что внутренний конфликт подростка не приведет к его радикализации, не толкнет его в экстремистское сообщество. Безразличие же – верная гарантия того, что худшее из возможного действительно произойдет. Не вмешался сегодня - завтра могут погибнуть твои дети.

КАКИМИ БЫВАЮТ ЭКСТРЕМИСТСКИЕ СООБЩЕСТВА?

В этой главе мы постараемся наиболее полно и предметно описать все формы экстремистских сообществ, в которые может попасть подросток. В главе приведены и сообщества, которые в традиционном смысле не принято называть экстремистскими, но которые поощряют деструктивное, радикалистское поведение.

Мы используем именно такую трактовку этих сообществ (речь идет, прежде всего, об аутоагрессивных группах) потому, что по методам своего воздействия, причинам приверженности их идеям и общественной опасности они оказываются в категории экстремистских.

Это не означает, что сообщество, построенное вокруг идеи самоубийства, к примеру, с юридической точки зрения является экстремистским. Это означает, что такое сообщество, тем не менее, является сообществом подростков и молодых людей, приверженных радикальным взглядам по отношению к жизни и ее ценностям, крайним методам реализации этих взглядов.

Мы объединили информацию, посвященную право- и леворадикальным движениям, потому что с момента своего массового распространения в России эти субкультуры были, фактически, «зеркально» сходны друг с другом.

Религиозный экстремизм и секты были разбиты на отдельные главы потому, что в первом случае мы имеем дело с радикальным, ложным восприятием традиционных догматов и объединением по этому признаку. Во втором – с искусственными догматами, формирующими другую систему ценностей.

Мы также отдельно включили главу, посвященную околокриминальным субкультурам, ввиду их большой социальной опасности и значимости этой проблемы. Кроме того, мы проанализировали так называемые группы деструктивного поведения.

ЛЕВО- И ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

Пик последней волны их распространения пришелся на конец 1990-х– начало 2000-х, но не следует, однако, думать, что эти сообщества совсем ушли в прошлое. Случай с самоподрывом подростка в здании ФСБ в Архангельске (члена анархического сообщества) – яркое тому подтверждение.

Первое, что необходимо уяснить – эти радикальные сообщества не имеют отношения к соответствующим политическим силам. Леворадикалы не связаны с коммунистическими партиями. Праворадикалы не связаны с патриотическими силами. Идеи их искажаются в пользу назначения «врага» и реальной борьбы с ним для укрепления своего положения внутри сообщества и привлечения к себе внимания.

История этих движений, и это важно понимать, уходит корнями в середину 1990-х годов, когда в России оформилось движение «скинхедов». Будучи нацистским, праворадикальным по своей сути, оно повторяло эстетику аналогичных движений Великобритании, США (бритая голова, военная обувь, нашивки на одежде, «позывные», музыка и др.), однако формировалось на почве других внутригосударственных конфликтов, в нашем случае – связанных с распадом СССР, возникающими на этой почве этническими разногласиями.

Параллельно формировалось «Антифашистское» движение, повторявшее эстетику «скинхедов», но имевшее не националистическую, а анархическую или коммунистическую идею в своей основе – исключительно номинально же являвшееся «ответом правым скинхедам».

На какой почве формировались эти экстремистские сообщества тогда?

1. Обнищание населения и отсутствие социальных перспектив.
2. Разрушение общей идеологии, общего понимания истории.
3. Локальные вооруженные, этнические конфликты.

Иными словами – нищий подросток из неблагополучной семьи в середине 90-х, потерявший твердую мировоззренческую опору, начинал искать идеологическую систему, в которую мог бы встроиться. Леворадикальные и праворадикальные концепции при этом были, во-первых, общеизвестны, во-вторых, в нужной степени упрощены до его восприятия, в-третьих, достаточно явно рисовали образ врага.

Мы сделали небольшой исторический экскурс, чтобы стало понятно, почему к 2014 году почти все соответствующие движения на территории России исчезли. Исчезли предпосылки для правого или левого радикализма. Ультралевые идеи общей социальной справедливости, для которой необходимо уничтожение врага справедливости (государства, миллионеров, классовых врагов), потеряли актуальность в «сытые нулевые». Конфликт «нищий против богатого» исчерпывает себя, когда исчезает реальная нищета, а реальная нищета – это ситуация начала 1990-х, но никак не кризиса 2008 года, и совсем не ситуация 2018-го года.

Ультраправые идеи национального, этнического превосходства потеряли актуальность после событий 2014 года. Уничтожение, выдворение «мигрантов», «масонского заговора», «преступного государства» по ультраправой концепции было необходимо для возвращения России ее бывшего величия (декларируемая установка, при реальной установке на решение личных проблем).

В этой связи возвращение Крыма уничтожило основную декларируемую предпосылку ультраправых движений – возможно ли «возвращение величия России» радикальными, экстремистскими способами, если величие уже было возвращено, к тому же совершенно не по-экстремистски? Движение было дискредитировано событиями украинского Майдана. От националистов пострадали все.

Так почему же мы все еще пишем об этих радикалах – несмотря на то, что сами же заявляем о том, что их идеи потеряли актуальность и популярность? Дело в том, что в современном медиaprостранстве информация существует как бы «вне времени».

Подросток 2018 года, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, натывается в сети на материалы 2003 года, на которых – строгий строй скинхедов, анархисты с «коктейлями Молотова».

Его вдохновляет их эстетика (сила, мощь, бесстрашие, безрассудство), и он начинает интересоваться почти позабытым движением, а потом реконструировать его вместе с другими «сочувствующими». Чтобы компенсировать собственные проблемы, как вариант.

Методы противодействия

Ни в коем случае – не спор. Интересующийся радикальным политическим течением подросток, вооруженный литературой по этой теме от апологетов своего движения за последние сто лет (все это у него в смартфоне), во-первых, вас легко переспорит, а во-вторых, не услышит ни один из ваших аргументов, а само противодействие только укрепит его картину мира.

Нужно мягко преодолевать предпосылки, купируя радикальное поведение, но не касаясь идейного содержания «движения». Не нужно пытаться объяснить, что быть националистом – плохо. Не услышит.

Нужно помочь разобраться, что не так в семье, почему нет нормального общения со сверстниками, что не клеится с девушками, почему не дается учеба. Как только исчезнут предпосылки, растворится и «национализм».

А вот о «контактных лицах» и старших «кураторах» лучше сообщить в правоохранительные органы. Вы-то своего подростка вытащите, а другие, те, кто не заметил?

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

На сегодняшний день религиозный экстремизм чаще всего оказывается связан с исламом – международные террористические организации являются печальным тому примером. Однако в данной главе мы бы хотели рассмотреть религиозный экстремизм вне контекста одной из российских религий, но в контексте их всех. Почему? Потому, что признаки, методы воздействия что «христианских», что «исламских» экстремистов в целом сходны. Их всех объединяет ненависть к инакомыслящим. К тому же, основная причина, почему их следует рассматривать вне контекста от религий – то, любая религия даёт внутренние силы для развития, а любой деструктивный культ создан для подавления воли.

Мы будем анализировать два случая. В первом в религиозную экстремистскую организацию попадает человек, уже верующий, являющийся частью определенного сообщества верующих. Во втором в преступную организацию попадает человек не верующий, и он становится из атеистов «неофитом».

ВЕРУЮЩИЙ ПОДРОСТОК

Подросток, считающий себя приверженцем определенной религии, видит вокруг себя мир, несоответствующий ее догматам, а параллельно чувствует (из-за собственных проблем), что этот мир ему враждебен, что мир – «прогнил», «отошел от Всевышнего», а люди «живут не по Священной книге».

Сделаем отступление – большинство мировых религий так или иначе говорят о том, что мир находится во власти греха/порока, и призывают к покаянию. Но только религиозный экстремист винит в своих проблемах других, обосновывая это теологически, и чувствует необходимость их исправить насильственными методами.

Чем это объясняется? Незнанием постулатов, законов и принципов собственной веры. И желанием самому интерпретировать истину.

Такие фанатично настроенные молодые люди существовали всегда, однако когда они попадают под влияние «пастыря», который преследует преступные цели – становится действительно страшно, ведь он-то, в отличие от обычного священнослужителя, говорит им не то, что правильно, а то, что они хотят услышать – и с чем они заведомо согласны.

Поэтому подросток, который считает, что «церковь неправильная», начинает искать или формировать сообщество тех, кто разделяет его «правильно...» И сталкивается с вербовщиком. Поступки его «за веру» здесь и далее не будут обусловлены догматами его религии – а исключительно их интерпретацией этим «пастырем».

Распознать, что верующий подросток встал на путь религиозного экстремизма, достаточно просто – он разорвал связи с храмом/мечетью, которые посещал (там – «неправильные» священнослужители), у него появилась новая религиозная литература со странными «толкованиями», он стал агрессивен по отношению к тем, кто, как ему кажется, живет «не по правилам». Сама его вера на первый взгляд стала глубже – однако в спорах он демонстрирует пугающую вариативность трактовок на общеизвестные постулаты (в частности, касающиеся насилия).

НЕВЕРУЮЩИЙ ПОДРОСТОК

В этом случае (как правило) мы имеем дело с чистой вербовкой, поскольку собственный внезапный интерес к метафизическому при отсутствии культурных предпосылок в семье, социуме возникает крайне редко.

Иными словами, ситуация, при которой неверующий вчера подросток вдруг с головой уходит в религию (при том, что

вероисповедание людей, составлявших его окружение, не поменялось), практически невозможна. Даже сами представители духовенства говорят, что такая ситуация не является нормальной, поэтому они рекомендуют знакомиться с основами религии постепенно и постепенно же отказываться от моделей поведения, в ней не приемлемых.

Собственно, неследование этому принципу и свидетельствует о том, что подросток находится под влиянием «не тех проповедников» – они призывают отказаться от вредных привычек, музыки, любимых игр, литературы, отношений здесь и сейчас, порвав со своим прежним образом жизни. Кстати, «список запретов» приводим реальный – исламистский. Параллельно вербовщики начинают подменять старый образ жизни своим, привычный круг общения – новым, виртуализированным. На следующих этапах вербовщики призывают отказываться от общения с «неверными», даже если это родственники. Ни традиционный ислам, ни традиционное христианство этого не приемлют.

Категория неверующих подростков является более уязвимой, чем категория верующих, поскольку последние могут распознать искажение основных религиозных догматов – они их знают. Знают они и священные тексты. Неверующий подросток значительно более уязвим – под видом традиционной религии ему можно предложить любую «химеру».

Методы противодействия

В данном случае метод противодействия может быть либо апологетическим (чтобы вернуть подростка к традиционной религии, но делать это должен священнослужитель (исламский, христианский) – поговорите с ним), либо психоаналитическим (чтобы указать – его беды

имеют не метафизические, а вполне конкретные причины, и разобраться с ними).

Какой из способов выбрать – вопрос вашего личного мировоззрения, однако работать должны в любом случае профессионалы, поскольку религиозный экстремизм – самая глубокая форма деструктивного мировоззрения: чтобы разорвать связи человека с исламизмом, к примеру, могут уйти годы. Отметим, что об организации следует в любом случае сообщить в правоохранительные органы.

СЕКТЫ

Разнообразные новые религиозные движения, которые появились в России на рубеже XX-XXI веков, уже успели доказать свою деструктивность – речь идет и о запрещенных ныне «Свидетелях Иеговы», и о таких экзотических движениях, как «Секта Бога Кузи». Ликвидирована была партия «Воля», в учении которой была сильна оккультная составляющая, как и десятки других организаций.

Мы рассматриваем секты как экстремистские организации потому, что, во-первых, некоторые из них таковыми являются по решению суда (их более 60-ти), а во-вторых, по своему мировоззрению они являются именно экстремистскими, пользуясь терминологией, приведенной нами в начале пособия. То есть секта, в данном контексте, это религиозная группа, агрессивно настроенная по отношению к не членам этой группы и/или социальным установкам, принятым в обществе, а члены секты для утверждения своего мировоззрения совершают радикальные поступки, разрывают контакты с социумом, в редких случаях – идут на теракты (к примеру, секта АумСинрикё). То есть эти организации действительно опасны, и подростки попадают в них так же, как в иные экстремистские организации. Рассмотрим основные категории новых религиозных организаций, с которыми могут столкнуться родители подростка или педагоги – не указывая на течения, отколовшиеся от традиционных конфессий (рассматривали в предыдущей главе), и на течения, которые не представлены в регионе или не направлены на молодежную аудиторию (к примеру, сайентологи заинтересованы в более лично обеспеченных неофитах):

1. Секты так называемой категории «нью-эйдж». Их общая концепция: есть высшая сила (космос, духи, боги), с которой можно связываться и взаимодействовать через самосовершенствование в

определенном ключе. Под ним понимаются духовные и психопрактики, восточные и не только. На первый взгляд – ничего деструктивного. Но учителя «самосовершенствования» (гуру) берут за практики деньги, литература искажает представление о действительности, «самосовершенствование» ведет не к истинному духовному/интеллектуальному развитию, а в пустоту.

Подросток становится зависим от «мастера». В США в подобных сектах случались массовые суициды. Попадают в движения подростки закомплексованные, пытающиеся утвердиться в мире. Невозможность добиться чего-то реального приводит к таким вот «духовным достижениям». А «мастер» это все подогревает. Часто маскируются под психотренинги, тренинги личностного роста, «вебинары» и проч.

Слова-маркеры – «мысли материализуются», «психопрактики», «связь с космосом», «духовный рост», «астральные/тонкие тела» и проч.

2. Секты неоязыческой категории. Чаще всего попытка реконструировать то, чего в действительности не было. Поясним: абсолютно достоверных источников о славянском, к примеру, языческом культе у нас нет. Практически нет памятников, литературных источников. Но некоторые авторы умудряются в XX-XXI веке сочинять «Велесовы книги» и прочую «духовную литературу древних славян» и продавать ее.

А некоторые «волхвы», пользуясь своим воображением, сочиняют даже ритуалы и обряды. Если относиться к этому как к игре – никакого вреда не будет (хотя задумайтесь, почему подростку в мире выдумки комфортнее, чем в реальном). В конце концов, это тоже пласт культуры – даже если вымышленной. Во «Властелина колец» подростки тоже играют...

Если подросток начинает относиться к неоязычеству серьезно – его мировоззрение искажается, изменяются ценности. А главное – путь от реконструкции несуществовавшего культа древних славян до откровенного национализма, антихристианства короток.

Иными словами, подросток, который действительно поверил, что наши предки две тысячи лет назад молились вот этим конкретным богам, у них были вот эти письменные источники и вот такие ритуалы (все – выдумка), начинает бороться за свои ценности.

Бороться против традиционных религий, которые «отняли» у славян язычество – к примеру, жечь церкви. Или против людей другой национальности – заявляя, что «...это наша земля, земля нашего РОДа...». То есть культ возбуждает ненависть и вражду, а это приводит к вполне конкретным поступкам.

Слова-маркеры – «славянские веды», «Велесова книга», «славяно-арии», «РОД» (пишут именно так, подразумевая аббревиатуру).

Методы противодействия

Наиболее важный шаг – выявить, что подросток действительно попал в секту, что он не «играет», а действительно верит в концепцию своей секты, обратиться в правоохранительные органы, а следом – попробовать установить причины, по которым подросток попал в уязвимую категорию.

Вывести человека из религиозной организации (как мы уже отмечали в прошлой главе) значительно сложнее, чем из обычного экстремистского сообщества – к идеям ненависти, преодоления, мировоззрению и концепции замкнутого сообщества здесь подмешивается метафизическая, экзистенциальная составляющая.

То есть – касающаяся смысла жизни, жизни после смерти, отношений с миром, познанием, Богом вообще. Работать в этой ситуации должен профессиональный психолог, психотерапевт, специалист по сектам. Чем больше вы дадите информации специалисту – тем лучше.

СУИЦИДАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Мы уже отметили, что эти группы относятся к так называемым аутоагрессивным группам ненависти. Иными словами, подросток назначает виновным в своих бедах самого себя и пытается преодолеть собственное существование. Проблема попыток подросткового суицида — комплексная, и прежде чем перейти, собственно, к группам смерти, нам нужно разобраться в предпосылках их существования.

Традиционно принято разделять две категории попыток подросткового суицида:

1. Попытки ненастоящие, совершаемые как крик о помощи, для привлечения внимания к собственным трудностям. В этом случае для подростка попытка самоубийства — это своего рода «последнее средство» заявить о себе.

2. Попытки настоящего самоубийства, возникающие на почве длительных, неразрешаемых внутренних конфликтов, невыносимой жизненной ситуации или физиологических/гормональных проблем.

При этом следует понимать, что, помимо собственно попытки самоубийства, к суицидальному поведению следует относить:

1. Так называемый «селфхарам» (термин, используемый самими подростками). Дословно переводится как нанесение вреда самому себе — выражается в виде порезов кожи бритвой, нанесения себе увечий без цели причинения смерти. В запущенных случаях селфхарам — это сеточки порезов и ран на руках и ногах. Некоторые психологи рассматривают это явление как попытку высвободить подавленные эмоции.

2. Саморазрушающее поведение — это когда подросток начинает употреблять алкоголь, курить сигареты, использовать наркотики

исключительно потому, что это причиняет ему вред. Конечно, экзистенциальные психоаналитики считают, что стремление к собственной смерти (танатос) является естественным, однако мы склонны считать эту позицию маргинальной, тем более что стремление к жизни у подростка должно преобладать в любом случае.

3. Употребление психотропных препаратов, антидепрессантов — это явление получило распространение в середине нулевых. Дело в том, что препараты-антидепрессанты могут назначаться только врачом, так как некоторые из них увеличивают риск суицида. И это несмотря на то, что они снижают уровень тревоги и стресса.

Под группами смерти в периодической печати принято понимать «Синий кит» и подобные виртуальные сообщества, в которых есть «кураторы» и задания, последними из которых являются самоубийства. Однако оснований утверждать, что группы смерти именно в такой форме являются действительно распространенным явлением, а не медийно-сконструированным, в настоящий момент нет. Иными словами, в 2017 году действительно был всплеск подобных сообществ, однако он быстро сошел на нет и, как можно предположить, сам по себе был вызван шквалом публикаций в прессе.

Тем не менее группы смерти, в форме сообществ, объединяющих суицидально настроенных подростков в социальных сетях, действительно есть. Более того, это полновесная субкультура, имеющая свою эстетику, свой кинематограф, музыкальных исполнителей и целые музыкальные жанры, свою поэзию.

Опасность этих подростков состоит не в том, что они могут устроить теракт, прежде всего они опасны сами для себя и друг для друга. В сообществе, медленно погружаясь в «эстетику смерти», подросток не выходит из трудной жизненной ситуации, а закрепляет

свое положение в ней. Окружающие его виртуальные собеседники, обладающие тем же набором личностных особенностей и проблем, социально легализируют его суицидальное поведение.

И если в одно из таких сообществ 11-классница В. выложит шрамы от порезов бритвой — она услышит одобрительные возгласы, которые будут усугублять ее расстройствa. Здесь же — будут песни о том, что жизнь не имеет ценности, здесь же будет мрачная черно-белая эстетика. Это и есть подлинно опасные группы смерти — в противовес наглухо заблокированным ныне «Синим китам».

Чтобы понять, что связь суицидов и «картинок в интернете» не выдумана, нужно обратиться к результатам посмертных экспертиз. Почти все подростки, совершавшие попытку суицида, имеют на страничках репосты из групп соответствующего содержания (приводить список, естественно, не будем), ключевыми посылами из записей являются ощущение покинутости, саморазрушение и, как ни парадоксально, единение. Единение — это с теми, кто чувствует такие же мысли. Таким образом, формируется «клуб самоубийц», которые неосознанно подталкивают друг друга к смерти.

Мрачные записи, песни и цитаты, небрежность в словах, замкнутость — вычислить человека, склонного к суицидам, в сети легко, но никто, к сожалению, не ставит перед собой такой задачи. Вывод напрашивается очевидный: чтобы спасти от самоубийства подростка, склонного к суициду, нужно вытащить его из ставшей такой уютной «эстетики смерти». Показать ему другой мир и дать ему другой круг общения.

Разумеется, говорить о том, что интернет сам по себе причина самоубийств — нельзя. Именно сеть закрепляет в подростке саморазрушающее поведение, а группы помогают ему утвердиться в

«окончательном решении», но... здорового и счастливого подростка никакие группы и странички не заставят прыгнуть с крыши. Так каковы, все-таки, причины?

Условно можно выделить несколько решающих факторов в формировании суицидального поведения. Это острые и длительные конфликты в семье, в школе, со сверстниками, глубокие внутриличностные конфликты, ощущение одиночества, покинутости, непонимания, безответная первая любовь и многое другое. К тому же уход из жизни еще недостаточно осознается подростками как необратимый факт.

А это уже проблемы далеко не сетевые, а обычные, социальные. Сейчас суицидов объективно стало меньше, однако они стали известнее: всему виной мода на публичность. Вслед за кнопкой «рассказать всем» в социальной сети подростки научились открыто и массово писать о своих самоубийствах – настоящих и не очень. И скрыть эти высказывания от глаз их сверстников технически невозможно.

Методы противодействия

Самый опасный и необдуманный поступок – немедленно лишить подростка с суицидальными наклонностями общения с его окружением (возможно, таким же депрессивным, но все же). Почему? Потому что этот разрыв увеличивает риск самоубийства здесь и сейчас. Вместо этого подростка нужно плавно выводить из негативного окружения. Крайне желательна работа психолога (в случае если попытка самоубийства была – необходима). Хорошим вариантом будет поэтапная замена элементов «субкультуры смерти». То есть – мы начинаем со смены цветов в одежде, потом знакомим с новой, иной музыкой, кинематографом. Вовлекаем в новый круг общения (не запрещая старый), меняем «подписки» в социальных сетях на более позитивные,

но все – постепенно. Ничего из этого, впрочем, не будет работать, если не будут уничтожены предпосылки, приведшие ребенка в группу смерти. Это – все те же трудности в семье, социальной адаптации и так далее (на этом вопросе мы уже останавливались подробнее).

ОКОЛОКРИМИНАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

Тема эта в прессе сильно мифологизирована – пока одни СМИ берут «анонимные интервью» у вроде как членов преступных групп, другие, вслед за полицией, говорят, что «А.У.Е.» – интернет-вымысел. В действительности криминальная субкультура – это жаргон, татуировки, музыка, манера поведения и специфические ценности, сформировавшиеся в местах лишения свободы. Уровень вовлеченности в нее подростков проверяется в беседах и с помощью специальных тестов.

Движение «А.У.Е.» – подчеркнем, именно как субкультура – в среде подростков действительно существует. Связано ли оно со взрослой организованной преступностью – вопрос, на который в рамках пособия не ответить.

Попадают в это движение подростки по-разному – некоторые живут в неблагоприятных условиях, некоторые – испытывают недостаток любви родителей, отчужденность, третьи не знают, чем себя занять. Их практически ничего не объединяет, отмечают психологи. Чего хотят от жизни? Не знают. Самые «отпетые» собираются стать «ворами в законе», остальные – живут одним днем. К чему это все приводит? К колонии, как правило. Которая встречает их совсем не так, как они представляли это себе по постам в «ВКонтакте» и видео на YouTube.

По всем внешним признакам «А.У.Е.» моделирует взрослые криминальные структуры. Однако в действительности это скорее деструктивный социальный культ – наравне с «Синим китом», «Колумбайном» и десятками экстремистских организаций. Эстетика значения не имеет. Механизм мы уже описали: «подросток не может найти себя – подросток через интернет или знакомых попадает в неформальную группу с асоциальными установками».

Но если эти движения так похожи по своему механизму – почему именно сейчас возникли они все, волнами сменяя друг друга? Ответ, к сожалению, очевиден: подростки, особенно из малообеспеченных семей, ограничены в способах досуга и самореализации, не видят перспектив в жизни, смысла в работе и образовании, лишены общих идей, а структуры, призванные работать над этим, катастрофически ограничены в средствах и кадрах, забюрократизированы. Накладываются и личные психологические обстоятельства.

В качестве вербовщика и неформального лидера в группах этой категории выступают так называемые «старшие», «смотрящие», однако существовать субкультура способна и без них – в качестве виртуального конструкта.

Иными словами, в социальной сети группа есть, в реальности – нет. В чем же ее опасность, если реальных преступлений подростки могут и не совершать? Проблема в том, что зараженность криминальной идеологией приводит к изменению взаимоотношений с институтами власти и обществом, показному нигилизму – отказу от образования, официального трудоустройства в дальнейшем, сотрудничества с органами исполнительной власти.

В перспективе это приводит к тому, что подросток теряет доступ к социальным лифтам, а дальнейшая радикализация поведения по криминальному аспекту приводит к совершению реальных преступлений.

Методы противодействия

Они разительно отличаются от методов противодействия идеологии политически-, религиозно-радикальных групп. Там мы писали о том, что разъяснительная работа будет деструктивна, подросток не станет слышать и слушать, что нужно бороться с предпосылками. В случае с

криминальной субкультурой именно разъяснение всех последствий ее принятия и всех ее аспектов и будет самым верным методом противодействия.

Дело в том, что эта субкультура является наиболее прагматической из всех молодежных, наименее связанной с образом желаемого будущего, совершенно не связанной с метафизикой и зачастую не связанной даже с реально невыносимыми жизненными условиями. Предпосылки ухода в «А.У.Е.» являются социально-экономическими или культурными. Подросток, склонный из всего многообразия деструктивных направлений попасть под влияние именно криминальной идеологии, мыслит наиболее объектно-ориентированно, поэтому в этом случае жесткая беседа будет действительно эффективна. Делать акцент стоит на том, что:

1. Доходы от совершения правонарушений на улично-дворовом уровне на самом-то деле не сравнимы с доходами от законной деятельности. Предложить посчитать, сколько за сутки (и с каким риском) сможет заработать уличный хулиган, и сравнить это с доходами, скажем, оператора станка ЧПУ. Указать на то, что недополученный доход за время, проведенное в местах лишения свободы, сводит всю экономическую целесообразность преступлений на нет.

2. Трудозатраты на совершение уличных правонарушений в XXI веке даже выше, чем таковые при честном труде. Множество новых факторов (вроде видеонаблюдения) при неотвратимости наказания обесмысливают (а акцент делать нужно в прагматическом ключе – то есть именно на том, что криминальная субкультура нерациональна) совершение краж и разбоя.

3. Предложить определить перспективы карьерного роста дворового бандита, потолок заработка и возможность содержать семью при нем.

Иными словами, подростку необходимо объяснить, что уличный преступник – это человек недалекий, выбирающий более трудный путь к менее достойной награде исключительно потому, что возможности выбрать другой у него не было. Сейчас такие возможности есть.

Ну а что касается так называемой романтики криминалитета – рекомендуем «Очерки преступного мира» Варлама Шаламова. Литература совсем не детская, но может подействовать на подростка отрезвляюще. Тем более что фактор ее «недетскости» увеличит уровень доверия к ней.

«Карфаген должен быть разрушен, а блатной мир – уничтожен!».

КОЛУМБАЙН. НАСИЛИЕ В ШКОЛАХ

Мировое явление, получившее название скулшутинг(стрельба в школах),или Колумбайн (по именованию образовательного учреждения в США, где произошел один из самых массовых расстрелов), известно в западном мире на протяжении как минимум последних 30 лет. Однако до России оно добралось сравнительно недавно – крупнейший, и наиболее трагический, случай произошел в Керчи. Эксперты сходятся во мнениях, что Колумбайн тоже следует рассматривать как своего рода деструктивную субкультуру, одновременно – как экстремистское сообщество и культ. И это – одна из самых опасных форм деструктивного поведения.

Технически описать скулшутинг просто – неблагополучный подросток находит оружие, приходит с ним в школу и расстреливает всех, кто попадается ему на глаза, затем (чаще всего) совершает самоубийство. А вот осмыслить явление гораздо сложнее.

Во-первых, мы имеем дело одновременно и с аутоагрессией (в конце, в любом случае, придется убить себя), и с ненавистью к окружающим, выразившейся в, фактически, теракте без требований.

Во-вторых, мы имеем дело с особой милитаристской эстетикой, в которую входят культ оружия, военизированные компьютерные игры и тяжелая музыка. Нетрудно догадаться, что эта эстетика является элементом подражания культовым фигурам того самого Колумбайна.

Объективной статистики, всестороннего анализа явления в России нет – для нас эта проблема нова. А вот в странах, где стрельба в школах стала трагической повседневностью, уже пришли к выводу, что характеристики потенциального массового убийцы... нет. То есть нет типа школьников, наиболее склонного к расстрелам. Некоторые жили в идеальных семьях, некоторые были приемными, у большинства были

близкие друзья, а кто-то был одиночкой. То есть в этом аспекте провести аналогию с деструктивными субкультурами нельзя – и та милитаристская эстетика, которую мы описали, существует, скорее, только в пабликах в социальных сетях. В качестве виртуализированного культа – не всегда связанного с реальными расстрелами.

Тем не менее некоторые общие черты всех стрелков все-таки удалось выделить. Во-первых, они не спешат – а длительно планируют грядущее, обзаводятся оружием. Они часто и в течение длительного времени говорят о планах на насилие. То есть предугадать катастрофу в действительности можно – если быть внимательным к подростку.

Многие стрелки, которые не завершили свое преступление самоубийством, говорили об отчужденности от коллектива как о причине расстрела. Однако и это не является определяющим фактором – а только одним из. Всего же среди внешних факторов, которые подталкивают к скулшутингу, выделяют:

- отсутствие внимания со стороны родителей, частые ссоры в семье;
- так называемый буллинг, то есть травля со стороны одноклассников, преследование ими;
- смерть близких или друзей;
- знакомство с материалами, рассказывающими о скулшутинге;
- доступ к оружию.

Внутренние факторы – это:

- депрессии;
- ведомость и внушаемость;
- очевидные психологические отклонения;

- потеря чувства необратимости совершаемых поступков из-за видеоигр в раннем детстве (они закладывают шаблон «Попробовал – загрузил «сохраненную игру» – сделал по-другому»).

Стало менее понятно, чем было раньше? Может быть, однако действия, которые должны предпринимать педагоги и родители, напротив, совершенно ясны.

Методы противодействия

Самое главное – не пропустить момент подготовки к акции, а для этого (считаете вы это этичным или нет) нужно быть знакомым со страничкой подростка в социальной сети, его записями, знать его друзей, даже если он кажется вам совершенно благополучным. Ну и, разумеется, нужно выстроить с ним максимально доверительные отношения.

Если вы почувствовали, что ребенок готовится к акции – нужно:

1. Максимально четко объяснить ему принцип необратимости однажды совершенного поступка – возможно, объяснить на личном примере.
2. Организовать занятия с психологом.
3. Ограничить доступ ко всему, что может выступить в роли оружия.
4. Сменить обстановку (в том числе, возможно, учебное заведение, в котором ребенок хотел бы устроить «Колумбайн»).
5. Хорошим решением будет сублимировать его ненависть и агрессию в определенное конструктивное русло – например, в спорт, занятия по борьбе.

Будьте аккуратны с контролем: если ребенок почувствует себя «под колпаком», он может мгновенно уйти на фейковые, подставные странички, и вместо информации о том, что он реально чувствует, вы

будете получать информацию, подготовленную специально для вас – о «самом лучшем ученике». Реальные чувства будут в другом месте – на другом аккаунте.

ГРУППЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Группы субкультур «зацепинг», «руфинг» и подобные им начали блокировать только в 2018 году – Роскомнадзор отнес их к скрытой форме суицидального поведения. Смысл этих движений – в проникновении на непредназначенные для этого объекты, «зацепе» за транспортное средство и так далее. Напоминает паркур из начала 2000-х, но более его экстремальную форму.

Мы отдельно коснулись этой темы, несмотря на то, что ни с экстремизмом, ни с деструктивным поведением она напрямую не связана (а связана скорее с обычным подростковым желанием выделиться), потому что движение в действительности уносит жизни.

Оно убивает. Причем не потому, что так было выгодно вербовщику, или таинственному «куратору», или потому что подросток уже не мог жить так, как жил раньше. Этот «экстрим» убивает нелепо, по-глупому – во время селфи на опоре моста или при падении с крыши поезда.

Главная, да и, пожалуй, единственная цель «руфинга» и «зацепинга», – публикация в соцсетях соответствующего видео или фото, чтобы собрать как можно больше просмотров и «лайков», тем самым повысив свой статус среди сверстников.

Методы противодействия

Перенаправление физической энергии подростка в спортивное русло – где тоже есть место экстриму и фотофиксации достижений, но со страховкой и инструктором.

Тягу к самоутверждению же можно преодолеть, только разобравшись в причинах проблем с самооценкой.

КАК ВЕРБУЮТ?

Социальные сети — действительно основной инструмент вербовки, и он работает безотказно. Именно в Интернете проще всего поддерживать постоянный контакт с жертвой. Именно в Интернете проще всего воздействовать на психику человека, не вызывая совершенно никаких подозрений. В этой главе мы познакомим вас с основными этапами вербовки в движения, обозначенные в предыдущей части.

1 этап. Установление контакта.

С подростком входят в контакт через социальные сети, якобы для знакомств и общения. Либо — через сплошную рассылку, так называемый «сев».

Предварительно вербовщики исследуют странички в социальных сетях для первичного отбора более подходящих кандидатов. Вербовщики (в случае с экстремистскими и террористическими организациями) — это специально обученные люди, во время общения и взаимодействия с кандидатом они «прощупывают» его слабые места.

Новый «друг», появившийся «совершенно случайно», начинает вести душевные разговоры и выпытывать подробности личной жизни. При этом подростку хочется рассказать ему обо всем, потому что этот человек очень тонко чувствует его эмоции.

2 этап. Предлагают то, в чем он нуждается.

Этот человек может бескорыстно помогать подростку, если у него есть трудности, может стать близким другом, соратником, учителем. Главное — он будет удовлетворять его потребности. Если нужен молодой человек/девушка — станет им. Если нужен друг — будет другом.

3 этап. Изоляция от семьи и друзей.

Подросток начинает чувствовать, что его привычное окружение — враждебно. Ему кажется, что его семья настроена против него, друзья желают зла. Если после разговоров с новым другом вы чувствуете, что кругом враги, скорее всего, вас вербуют. Жертву непременно нужно оторвать от близких, но лучше, если она сделает это самостоятельно.

4 этап. Ответы на все вопросы.

Мир будто бы становится черно-белым: есть добро и есть зло, отличить одно от другого проще простого. Есть человек, который знает, как жить правильно, и он указывает подростку путь. Скорее всего, именно на этом этапе с ним заговорят о религии/эзотерическом учении/радикальной политической системе.

5 этап. Подростку дадут понять, что он избранный.

То есть не такой, как все. Более того, существует общество таких же избранных, и его место, разумеется, там. Одновременно новые знакомые могут угрожать ребенку.

Что объяснить ребенку?

1. Общаясь с новыми людьми, особенно онлайн, помни о важных правилах безопасности:

- сохраняй осознанность, понимание, что с тобой происходит сейчас;
- вырабатывай навык наблюдателя, задавай вопросы: «Зачем вы мне это говорите?», «Для чего вам это нужно?» и т.п.

2. Перепроверяй информацию, исследуй предмет полностью, читай разные источники в интернете.

3. Найди глобальную цель в жизни, продумай путь ее достижения. И тогда ни одна секта, ни одна мысль или идея не сможет сбить тебя с правильного пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный вывод, который нужно сделать из этого пособия: все потенциальные угрозы для подростков XXI века становятся угрозами только при условии их психологической уязвимости. Если с самого начала формировать для ребенка комфортную среду и вовремя выводить его из конфликтных ситуаций – неразрешимых противоречий, которые приводят в деструктивные группы, попросту не возникнет. Но работать над этим должны и педагоги, и психологи, и родители – все вместе.

Все счастливые семьи похожи, но каждая несчастная несчастна по-своему. Неблагополучные подростки могут оказаться в группах смерти, в экстремистских организациях, могут стать жертвой вербовки исламистов или прийти в школу с оружием.

Что каждый из нас может сделать, чтобы этого не произошло? Помочь подростку решить его проблемы. Прямо сейчас – не дожидаясь, пока ему помогут те, чья помощь обратится бедой.

Мы можем прямо сейчас обратить внимание на то, что подросток читает, кто для него кумир, с кем он общается, кого любит, а кого ненавидит. Мы можем сделать его счастливым – и объяснить ему, в чем правда, а в чем ее никогда не было. А правда – она не в ненависти (к кому бы то ни было), а в любви.

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ, помните, что ребенок, не получив ОТ ВАС ответы на волнующие его вопросы, будет искать их в Интернете и рискует оказаться в руках искусных манипуляторов детскими душами.